

Ура въ
аду
Поэма

Круче
ныхъ

Худ
сукъ

Le jeu infernal

Drawing by Natalia Gontcharoff

Russie Moscou Tverskaya
street Trek-proudny pereulok
M. № 1/4 L. № 10

СВОЮ
ЛЮБОВНИЦУ
ЛАСКАЯ ВЪ
ОБЪЯТЯХЪ
ЛЖИВЫХЪ И
КРУТЫХЪ,
ВЪ ТРЕВОГѢ
СТРАСТИ ИЗМЫВА,
ЧТО ВЫЖИГАЕТЪ,
КРАСКИ ИХЪ,
НЕ ОТВЛЕКАЛАСЬ И
ВРАЖДУЯ,
МѢНЯЯ ХОДЫ
КАЖДЫЙ МИГЪ,
И ВСѢМИ ЧАРАМИ КОЛДУЯ,
И ПОДАВЛЯЯ СТОНОМЪ КРИКЪ,-

РАЗЯТЯ ЧЕРНЫЕ СРЕДЬ ПЛѢНА
ИЗЛАТА КРУГЛЫХЪ ЗАЛ,
И ЗАТѢСЬ ВОКРУГЪ ТРЕЩАТЪ ПОКѢНА
ЧЕЙ ДУШИ ПЛАМЕНА СЖАЛ.

Покой и мраченъ и громоздокъ
Бездѣ поддѣльные столбы
Здѣсь потны лица спертый воздухъ,
И съ властелинами рабы.

Здѣсь жадность, обнаживъ коп^{ьца}
Застыла какъ скала,
Другіе съ врихомъ слѣдопыта
Приникли у стола.

Сражаться вѣчно въ гнѣвѣ въ^{ям,}
Жизнь вздернуть за блага,
Иль вырвать стонъ лукавой хари
Подъ визгъ берховный колеса!

Ты не одинъ - съ тобой случай!
Призвавшій жить - возьми отказъ!
Иль чернымъ ждать благополучья?
Сгорать для кроткихъ глазъ?

Они и мой удѣлъ избрали:
Удѣлъ возстаній и громовъ,
Удѣлъ расколотой скрижали
Полета въ область странныхъ сновъ!

Н. Одинъ широкъ былъ какъ котелъ,
По немъ текло ручьями сало,
Другой же хилъ и вѣра сѣлъ
Въ чертей не разъ его спасала.
Въ очахъ сидѣли здѣсь косые^{2.}

Н.
Хвостомъ подъ мышкой щекоча,
Хромые, лысые, рябые,
Кто безъ бровей, кто безъ плеча.

Здѣсь стукъ и грохотъ кулака
По доскамъ шаткаго стола,
И быстрый говоръ: - Какова?
Его семерка туза взяла!

Перебиваютъ какъ умѣло,
Какъ загоняютъ далеко!
Играетъ здѣсь лишь смѣлый,
Глядѣть и жутко и легко!

Вотъ бѣсъ совѣмъ зарвался,
Отчаяннѣе пусть сниметъ гнетъ! - 3.

Ударъ... смотри-онъ отыгрался,
Противникъ охаетъ клянетъ.

О какъ сосѣда мерзка харя!
Чему онъ радъ чему?
Или онъ думаетъ, ударъ,
Что миръ покорствуесть ему?

-Моя!- чернѣй воскликнула сажнѣ
Четой углей блестятъ зрочки,-
Въ чертога восторга и продажи
Бедутъ счастливые очки!..

Сластолюбивый грѣшницъ сеймъ
Вісь, какъ ночью мотыльки,
Чертитъ рядъ жаркихъ клейм
По сказу бѣсовской руки...

И проигравшійся тутъ жадно
Сосетъ разбитый палецъ свой,
Творецъ системъ, даъ все такъ
Онъ клянчитъ золотой!.. ладно,

А вотъ усмѣшки, визги, давка,
Что? что? Зачѣмъ сей крикъ?
Жена стоитъ, какъ банка ставка,
Ее обнялъ хвостачъ старикъ.

Она красавица... исподней
Взошла, дыханіе сдержала,
И дышетъ грудь ея свободнѣй
Въ бланзи веселаго кружала. ч.

И рошень вверху веселый тузз,
И пала съ шедестамъ пятерка,
И крутитъ свой мышинный усъ
Ирок суровый смотритъ зорко...

И въ нефти корчившійся шуллеръ
Спросилъ у черта: - Плохо братъ?
Затрепеталъ... - Меня бы не надули!
Толкнулъ сосъда шепчетъ: - Ви
обат!...

Съ алубой во взоръ просьбой денег
Сквозь гомонь, гамъ и свистъ,
Свой опустя стыдливо въник
Столла въ дьма... липнулъ мист

А между тѣмъ варилась в мѣди
Дрожала, были и мырлал
Ея несчастные сосѣди...
(Здѣсь судьи строго людъ карали!)

И влагой той, въ которой мыла
Она морщинистую плоть,
Они, бѣжа отъ мѣди пыла,
Искали мѹку побороть.

И черти ставятъ единицы
Уставшимъ мучиться рабамъ,
И птицъ веселыя станицы
Глаза клюютъ, припавъ къ губамъ...

Здѣсь председатель вдохновенно

Пріемъ обмана изъяснялъ,
Всѣ знали ложь, но потаенно
Взрвать побѣду всякъ мейталъ!
Тутъ раненный не протестуя
Пріемлетъ жадности ударъ,
О боли каждый ужъ тоекуетъ,
И случай ищетъя какъ даръ.

Здѣсь клятвы знаютъ лишь на златѣ,
Примный долго здѣсь пищаль,
Одежды странны: на заплатѣ
Надежды лууз протрепеталъ...

И вотъ на мигъ вошло смятенье, —
Жа проигравшія дрожалъ, —
Тутъ договоръ безъ снисхожде
Он душу в злато обращал! ^{нѣж}

Любимецъ вѣдьмъ вѣнецъ крабы
Подъ ножъ тоекливый подведен,
Ничкомъ упал он на вѣсы
И зуб бѣлѣи чѣм лем.

И вотъ разрѣзан он и стружки,
Как змѣйки, в воздухѣ дрожат,
Такия рѣзвыя игрушки
Глаза сожженыя свѣжат!

н. Любовница хор, отравы сѣмѣ,
Над мертвым долго хохотал,
И-вкуса злостъ-златое темѣ.

Их коготь звонко скрежетал!..

Обогащенный новым даром
Счастливец стал добрее
И, опьяненный сладостным угаром,
Играет он смехом!

Но замечают черти: счастье
Все валит к одному;
Такой не видели напасти —
И все придвинулись к нему.

А тот с улыбкой скромной дёвы
И светлыми глазами,
Был страшен в тихом гнёве,
Все ворожит руками.

Он, удивлёсь, скоро
Всех обыграет и спасет
Для мук рожденных и позора,
Чертей безсилит холодный пот.

Но в самый страшный миг
Он услышал органа вой,
И испустил отчаянный крик,
О стол ударился спиной.

И все увидели: он ряжен
И рана в нем давно зияла
И труп сожжен обезображен
И крест одежда обна

Но
мигъ-
и нит
креста,
И всть
кто ви-
дл-задр-
жал,
Погуавъ въ
сердцъ рѣзе
хлыста,
И тамъ замати-
вши кикжал...

Спасеный гуетъ мести яроетъ
И силъ приливъ богатый,
Зоритъ и идъ усталостъ,
И строен сталъ на часъ горбатый!

Разгулъ растетъ и видьмы сжали
Въ когтахъ ребенка-горбуна,
Зовому тощую пожрали
Верхомъ на углахъ бревна...
Пойми! Пойми! Тебѣ я дадена!
Твои уста, зажасть, круги,
И полуобразъ полуцадина
Лоптями тянетесь и подружь...

И агуары вь бльзлюбнми
Кружатся вь око близ стола,
И глазом зелени подобным,
Бросалась вьрная стрьла...

Еще! еще! и горы злата
Уж дават видом игрока,
Может наполнена палата,
Дражит усталая рука.

И стьны сжалися, тускнья,
И смотрит зорко тубина,
Вот притаились вь око змья,
И вьет смерти тишина...

И скука, тяжко нависая,

Глаза разрыжет до конца,
Весь мечут банк и, загибая,
Забьют путь ловца.

И лишь томит одно виденье
Первоначальных райских дней,
Но строги каменья звеня,
И миг — мертвая о Ней!

И тьма мечты не обезгрившат:
Она то скливеть, тьма игра...
Больного ль призраки утешат?
Жильюу могилы ждате добра?

Промчатся годы — карты ть же
И та же злата желтизна,
Сверкает день — все ртуть же, ртуть же,
Тезаль игры, как смерть силана!

От безконечности мельканья
Туманит, горло встает светло,
Из уст клубится срадно пламя
И зданье трещину дало.

Ка безумью близок каждый час,
В глаза направлено бревно,
Вот треск... и грома глас...
Игра обвал — им все равно!

... .. п.

Все скука угнетает...
И грѣшникамъ смѣшно...
Огонь безъ пищи угасает
И замавѣшено окно...
И там, в стекло снаружи,
Все въетъ старое лицо,
Крыломъ серебряные мужи
Обѣютъ двери и кольцо.
Они дотронутся промчатся,
Стеная жаловно о тѣх,
Кого родили... дѣти счастья
Все замолить стремятся грѣх...

Сочиненіе
Алексея Круженка
и
Виктора Хлебникова,
Рисунки Наталіи Тонгаровой -
14.

Цѣна 60 коп.